

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

Нина Арбеннина.

Путешествия по литературным мирам

- Пепел книжных страниц
- Ее настоящая жизнь
- Остров вчерашнего дня

Журналист Федор Крылов:

в когтях шокирующих сенсаций

- Лига охотников за вампирами
  - Имя мне легион
- Тайный приют олигарха
- Бизнес-ланч у Минотавра

«Меня зовут Элька Шрепп,
полиция Гамбурга»

- Закат созвездия Близнецов
- Святой нимб и терновый венец
- Дворец, где разбиваются сердца

Под скипетром Бертрана:

триллер и гламур на Лазурке

- Крапленая карта мира
- Шпионка, пришедшая с севера
  - Восьмой смертный грех
  - Демоны зимних ночей
- Воздушный замок Нострадамуса
  - Побег с Лазурного берега

Жемчужина Адриатики Герцословакия:

в клубке роковых страстей

- Ключ к волшебной горе
- Профессия – первая леди
- Шоу в жанре триллера
- Лес разбуженных снов
- Ночь с Каменным Гостем
- Корона последней принцессы

Южноамериканский рай Коста-Бьянка:

океан, любовь, убийство

- Хозяйка Изумрудного города
  - Кровь Троянского коня
  - Звездный час по тарифу
- Город и его страхи
  - Трудно быть солнцем
- Вечер в городе соблазнов
  - Жрец смерти
- Часовня погубленных душ
  - Венец творения
  - Тринадцатая Ева
- Танцующая с дьяволом
  - Ремейк кошмара
  - Алхимия иллюзий

«Жизнь – это коробка шоколадных

конфет: никогда не знаешь,
какая начинка тебе попадется»

- Девять с половиной идей
- Золотая клетка для синей птицы
  - Последний бог
  - Код одиночества
  - Знак свythe

- Вечной жизни не хватит
- Миф страны эдельвейсов
- Небо слишком высоко
- Под маской хеппи-энда
  - Билет в Зазеркалье
- Гордость и преступление
  - Флакон смерти №5

• Фиалок в Ницце больше нет

Артефакт-приключения: в поисках
сокровищ и любви

- Вилла розовых ангелов
  - Хранители судьбы
  - Ночь всех святых
  - Русалки белого озера
- ОТЕЛЬ СОКРОВЕННЫХ ЖЕЛАНИЙ
- Мольберт в саду Джоконды
- МЕСТЬ ГЛУБОКОЙ ЗАМОРОЗКИ
- Вечность продается со скидкой
  - Вендетта. День первый
  - Псевдоним Венеры
    - Огненный холод
  - Связанные одной тайной
- Зеркальный лабиринт мести
- Мертвые канарейки не поют
  - Сад мертвых бабочек

Удар сердца, вздох призрака

- Еще один знак Зодиака
  - Призраки страсти
    - Глаза цвета тьмы
  - Интервью с магом
  - Путешествие в сны
    - Луна на дне пруда
- Жизнь – это сноса
в неоконченном романе
  - Обратная сторона смерти
    - Потрошитель душ
  - Крылатый сфинкс, печальный чербер
- Ведьма по недоразумению Ада Булгакова
  - Ярость херувимов

У ночи четыре луны,
а дерево — только одно.
Как бабочка, сердце иглой
к памяти пригвождено.

Ф. Г. Лорка

— Лето-то в этот год какое дивное, — донеслось до Анжелы, остановившейся и с трудом переводившей дух. Она пыталась понять, где они оказались и куда им, собственно, бежать дальше. — Все в бабочках!

Бежать, чтобы спастись.

Голос шел откуда-то из-за растущих вдоль берега деревьев, надежно скрывавших от ее глаз невидимых отдыхающих. А ее, соответственно, от них.

Однако любопытство праздных туристов, которые в этот жаркий летний день расположились на берегу реки, было ее самой крошечной в этот момент проблемой.

Ее и Вальки.

— Мы от них оторвались? — спросил с дрожью в голосе Валька, ее верный спутник, попутчик по несчастью и...

И вероятно, ее первая любовь.

Анжела бросила быстрый взгляд на невысокого рыжеволосого вихрастого подростка, на усыпанном конопушками носу которого сидели огромные, с толстыми линзами, роговые очки из разряда «дедушкиных».

Неудивительно, что именно эти очки, впрочем, вкупе с начитанностью Вальки, его нелюбовью к дворовому футболу и хорошим отношением со стороны всех без исключения (разве что физрука) учителей их школы и сделали его постоянной и любимой мишенью местной шпаны.

Ну и она сама к этому тоже, надо отметить, имела некоторое отношение — к тому, что им этим летним днем пришлось спастись от местной шпаны.

Той самой, от которой они задыхаясь бежали вдоль реки куда глаза глядят.

— Не знаю, — ответила Анжела, потому что действительно не имела понятия, а в этот момент голос второго невидимого отдыхающего, точнее, отдыхающей (тембр был женский), наверняка развалившейся на мелком сероватом песочке импровизированного пляжика местной реки, произнес:

— Да, да, сколько их. Ух, смотри какая! Махаон, что ли?

— Да нет же, адмирал! И еще один! А тут вот желтенькая, лимонница, кажется. Смотри, сейчас на наш салат присядет.

— Лето в бабочках!

Ну да, они были правы: в тот год бабочек было невесть как много — разных, больших и маленьких, ярких и незаметных, с узорами и без, утренних, дневных и даже ночных.

В самом деле, *лето в бабочках*.

Что ни говори, а была прелесть в этом городке, где она оказалась вместе с мамой и младшим братом Никиткой. Не по своей воле.

А будучи в бегах.

Получается, что, сбежав в этот городок, ей *вновь* приходится удирать — на этот раз от школьных хулиганов?

— Давай передохнем! — предложил Валька, физическая форма которого была далеко не так хороша, как у Анжелы. — Ну, ты, мать, и даешь — настоящий стайер, спортсмен на длинные дистанции. В марафоне участвовать не пробовала?

В голосе Вальки явно сквозило восхищение Анжелой. Что ж, она уже поняла, что он к ней неравнодушен.

А вот *она* к нему?

Вокруг них порхали бабочки — невероятно большие и в нереально огромном количестве. Ну, прямо как в сказке или мультфильме!

— Еще бы, у тебя ведь такое в крови. Гены... Ведь самые быстрые бегуны на этой планете — кенийцы, ты ведь знала?

Анжела не знала и вдруг поняла, что момент, казавшийся ей волшебным, внезапно словно пошел кри-

выми острыми трещинами, как зеркало, по которому ударили.

Ну да, кровь... *Гены*. Валька же наверняка комплимент ей стремился сделать и похвалить хотел — да что там, и похвалил, сравнив ее выносливость и физические данные с кондицией лучших бегунов планеты.

А в итоге снова напомнил ей о том, почему они, собственно, здесь оказались.

На этой извилистой дорожке меж деревьев, около реки, окруженные порхающими бабочками.

Вот из-за этого и оказались: из-за рыжих вихров Вальки и из-за его толстенных очков (то есть из-за его генов), ну и само собой, из-за *нее*.

Нет, очков Анжела не носила, волосы у нее были черные, блестящие, вьющиеся — и им завидовали школьные красавицы. Как, впрочем, и ее грациозной, уже не детской, фигуре и длиннющим ногам идеальной формы.

Все бы, по мнению местной шпаны, ничего, если бы не одно но: гены ее отца, выходца из Африки, давали о себе знать, и Анжела была смуглее любой школьной красавицы, прожарившейся четыре недели подряд в Адлере.

Не заметив, что на лице Анжелы возникло скептическое выражение, впрочем, быстро исчезнувшее, Валька, протирая очки, заметил:

— Исккупаться бы сейчас, а то я взмок весь!

Ну да, Анжела, как и ее младший братик Никитка, везде были экзотами — еще бы, мать у них белая, а дети — темные.

Кто же тогда был их отцом?

Понятно, что этот вопрос занимал любого и каждого, где бы они ни оказались, но в большом городе, где они жили раньше, с этим было как-то легче.

А вот с тех пор, как они этим *летом в бабочках* оказались здесь, в этом городке у реки, затеряться в толпе стало весьма и весьма сложно.

Нет, не оказались — а *бежали*.

Впрочем, мама и сама это понимала: еще бы, таинственная красавица, белая женщина с двумя детьми, отцом которых однозначно являлся африканец, — это

была троица, привлекавшая к себе самое пристальное внимание.

Как и тот факт, что у них, судя по всему, водились деньги, и это несмотря на то что мама толком не работала, а только подрабатывала.

Анжела знала, что еще до конца лета они снова отправятся в путь — обычно на новом месте они задерживались не дольше полугода.

На это были *причины*.

Здесь, в этом полном неги и предрассудков провинциальном местечке, они вряд ли пробудут так долго. Учебный год закончился, и хотя в здешнюю школу Анжела ходила всего три месяца, ей этого здесь хватило.

Нет, им следовало отправиться дальше.

Вернее, конечно же, *бежать*.

— А что, давай! — согласилась Анжела, все всматриваясь в просвет между деревьями. Нет, в самом деле: оторвались!

Все ведь было очень просто: Вальку местные хулиганы шпыняли за то, что он рыжий, неспортивный и в уродливых очках. Ее же за то, что она была вместе с Валькой. А также за то, что перешла дорогу тому, кому не следовало.

Ну и конечно, потому что кожный пигмент у нее был не такой светлый, как у абсолютного большинства населения городка.

И, продравшись сквозь кусты, они оказались на берегу речки. Бабочки окружили их и здесь, словно пытаясь с ними познакомиться.

— Год бабочек является пиком цикла, обычно семи-, иногда девятилетнего, — сказал, стаскивая с себя майку, Валька. — Такое еще цикадам свойственно. Но если этот год будет *в бабочках*, то следующий, следуя непонятным законам, совсем без них — годом *без бабочек*!

Валька знал все и обо всех — его любимым чтением была «Большая советская энциклопедия», имевшаяся у него дома.

А также различные научные книжки, которые он таскал из местной библиотеки.

— А тогда скажи мне, какая здесь глубина, Эйнштейн! — крикнула Анжела, сбрасывая летнее платье

и оставаясь в купальнике, а затем бросаясь в теплую, словно парное молоко воду.

И бабочки — они продолжали виться и над водой.

Валька, в черных трусах по колено, осторожно попробовав ногой воду, как будто был не июль, а январь, скрестив руки на груди, стал заходить в речку.

Анжела, помахав ему рукой, нырнула. Раскрыв под водой глаза, она увидела размытую изумрудную картинку — и подумала о том, что все в городке, собственно, начиналось не так уж и плохо.

Тогда, в середине весны, когда они с мамой и Никиткой прибыли сюда, находясь в бегах.

— Доброе утро, ребята, — произнесла молодая полная учительница, представляя Анжелу 9 «Б» классу. — В нашей школе появилась новая ученица, а у вас — новый товарищ по классу. Анжела Иванова.

Ребята, частично еще не выспавшиеся, жевавшие жвачку и даже слушавшие что-то из разряда хард-рока по плееру, как один уставились на новенькую.

Анжела к этому привыкла — еще бы, это же была не первая ее школа. И явно не последняя.

С тех пор как они оказались в бегах.

И во всех этих классах меняющихся школ, областей, городов и частей страны Анжела всегда волей-неволей оказывалась в центре всеобщего внимания.

Еще бы, ведь она мулатка, почти что негрityнка!

Мама не любила *ни* одно, *ни* другое слово. Ведь первым обозначали потомство осла и кобылы, а второе вообще было расистским выраженьицем.

Во всяком случае, на Кубе, родине ее отца, которого Анжела не знала и который, как заявляла мама, был там *сыном одного крайне важного человека*, более того, сына ближайшего соратника самого Фиделя Кастро.

С будущим отцом ее детей мама познакомилась во время его учебы в Москве, откуда он по приказанию своего высокопоставленного папочки был вынужден уехать обратно в Гавану, оставив свою русскую любовь на сносях, потому как ему самому надлежало жениться на девушке своего класса, то есть представительнице местной партийной элиты.

— Ну, Анжела, не стесняйся, расскажи нам о себе! — приободрила ее учительница. А Анжела, которая ничуть не стеснялась (потому что за прошедшее время уже отрепетировала историю, которую она презентовала в каждой своей новой школе), улыбнулась и обтекаемыми фразами, к которым давно привыкла, поведала о том, что *они переехали из-за новой работы мамы, что она рада оказаться в новом коллективе, что новое место пришлось ей по душе.*

В общем, как водится, сплошное вранье.

Когда она завершила, то один из одноклассников потянул руку.

— У меня вопрос, Марина Федоровна! Очень важный!

— Ну, Ахтюбин, задавай уж. Только без твоих вечных шуточек.

Анжела и по виду этого типка могла бы с уверенностью сказать, что это местный клоун: навидалась подобных она уж предостаточно.

— А почему если ты рабыня с плантации Алабамы, то фамилия у тебя Иванова? Должна ведь быть *Джонс!*

К шуточкам и оскорблениям, сводившимся к цвету ее кожи, Анжела уже тоже давно привыкла.

Класс грохнул, а учительница, покрываясь бордовыми пятнами, зашумела.

— Можно ответить? — спросила лениво Анжела, и когда раскудахтавшаяся Марина Федоровна наконец смолкла, ответила:

— Мой отец — не раб и никогда им не был. Он — сын одного из ближайших сподвижников Фиделя Кастро. Увы, он умер очень молодым.

Тут она приврала, но последние полтора года жизнь их семьи состояла из сплошного вранья, так что не так-то и страшно.

Тем более в сказочку о том, кем являлся ее отец, Анжела раньше верила безоговорочно, но в последнее время стала сомневаться: уже не потчует ли ее мама романтическими рассказами, как она сама потчует сейчас оными притихший класс?

— Круто! — произнес кто-то в восхищении, а Анжела вздохнула:

— Нет, не круто, конечно, когда твой отец умер, но что поделать. Я его не помню.

А вот это уже была *чистая правда*.

Понимая по сверкающим глазам новых одноклассников, что симпатии полностью на ее стороне, Анжела нанесла финальный удар. Расистам, как учила ее мама, нельзя давать спуску, а этот местный клоун Ахтюбин был сущий расист, хоть и пока юный.

— Кстати, если хочешь избавиться от своих ужасных прыщей, то можешь обратиться к моей маме. Она сделает по старинному кубинскому рецепту такую протирку, что у тебя враз все пройдет. А то, наверное, самому в зеркало смотреться неприятно, да и девушки на тебя не заглядываются. И не только девушки...

Класс снова грохнул, а клоун Ахтюбин, лицо которого, в самом деле, было густо покрыто угрями (что, не исключено, и заставляло его вечно хохмить, пытаясь это компенсировать), не спрашивая разрешения, пулей выбежал из класса.

На перемене к ней подплыла высокая блондинка, в ушах которой сверкали явно не стразы.

— Меня Зоя зовут. Ловко ты этого идиота уделала! У меня отец — прокурор нашего города. И на выходных я отмечаю свой день рождения. Ты же придешь?

Зоя, как узнала Анжела на этом самом дне рождения, где стала объектом повышенного внимания не только приглашенных подростков, но и взрослых, была некоронованной королевой не только класса, но и всей школы.

Еще бы, имея более чем влиятельного папу (который преподнес ей на пятнадцатый день рождения шикарное кольцо с небывалым камнем), можно было стать и королевой коронованной.

И таких, как Зоя, Анжела также видела-перевидела: избалованные и туповатые, они всегда искали экзотики, которая могла бы оттенить их собственную красоту — но заполучить их во враги было бы *крайне* неразумно.

Крайне неразумно, тем более если у такой вот королевы папаша — прокурор.

Анжела делать Зою своим врагом не намеревалась, тем более что на первых порах они очень даже хорошо понимали друг друга.

До летних каникул оставалось всего ничего, а потом, к осени, их — мамы, Никитки и ее самой — в этом городке уже и след простынет.

О чем, конечно же, никому знать не требовалось.

И уж точно *не* дочке прокурора.

Но эта Зоя оказалась особой приставучей и, главное, привыкшей получать то, чего она желала.

А желала она в данный момент одно: экзотическую и такую *другую* Анжелу в свои лучшие приятельницы.

Анжеле это претило, но делать было нечего — в ее планы не входило настраивать Зою против себя.

Так бы все и завершилось: *ничем*, и однажды дочка прокурора узнала бы, что Анжела с семьей уехала из городка, так с ней и не попрощавшись.

Ну, погоревала бы и забыла — или даже *не* погоревала бы.

Но, как назло, у Зои имелся ухажер — местный спортсмен Кирилл старше ее на два года.

Анжеле практически с первой встречи с Кириллом стало понятно, что он положил на нее глаз. А когда он, так театрально лебезивший перед Зоей и в особенности перед ее папашей, вдруг начал приставать к Анжеле, та оттолкнула его и сказала:

— Не забывай, я — несовершеннолетняя!

Спортсмен Кирилл загоготал:

— Что за совпадение, я — тоже! Ну, мулатка-шоколадка, не ершись, дай от тебя немного откусить...

Анжела заехала ему по губам тыльной стороной ладони — несильно, но хватило, чтобы брызнула кровь.

— Ты что, сдурела? — завопил спортсмен, а Анжела честно ответила:

— Еще нет, но могу, если не сбавишь обороты. И вообще, все Зое расскажу!

Делать этого она не намеревалась, но угроза, кажется, подействовала: Кирилл перестал к ней лезть, обращаясь с ней как с пустым местом.

И на том спасибо.

— А что у Кирилла с губой? — спросила в следующий раз Анжела, когда встретилась с Зоей и ее ухажером.

Губа некрасиво распухла, отливая фиолетовым.

— На тренировке заработал, мой спортсмен! — заявила не без гордости Зоя.

Анжела не стала задавать вопрос, что же именно Кирилл тренировал, а протянула ему плитку шоколада.

— Для больного спортсмена! — сказала она голосом не менее сладким, чем шоколад, который она презентовала Кириллу.

На обертке шоколадки была изображена знойная чернокожая танцовщица, и называлась сия сладость «Мулатка-шоколадка».

Заметив ее в киоске, Анжела не устояла перед соблазном приобрести эту вкусность с расистским названием и вручить ее страждущему.

Тому самому, который травму губы на тренировке заработал.

— Кирюша, как это мило со стороны Анжелы! Ну, не дуйся, скажи ей спасибо!

Кирюша, кажется, пытался испепелить ее взглядом, но не получилось.

Если бы на этом «обмене любезностей» все и закончилось, то ничего бы страшного, в сущности, и не произошло.

Увы, *не* закончилось.

Так как Кирилл больше внимания к ней не проявлял, Анжела решила, что опасность миновала.

Как бы не так.

В один из последних учебных дней кто-то кинул ей на парту записку. Оказалось, что от Зои, которая просила ее подгрести к старому, неработающему, спортзалу, в котором по вечерам проходили курсы шейпинга.

Самой Зои в тот день в школе не было — «заболела». Хотя шептались, что просто вместе с родителями поехала осматривать новый особняк, который они намеревались купить.

Только когда Анжела вывернула из-за угла старого спортзала, поняла, что Зоя тут ее не ждала и никакой записки, соответственно, ей не писала.

Там ее ждал ухмыляющийся Кирилл (губа уже полнотью зажила), а также его накачаннные дружки.

— Вот она, мулатка-шоколадка! — заявил он со смехом. — Сама пришла!

Анжела развернулась, чтобы убраться прочь, но поняла, что дорогу ей преградили приятели Кирилла.

— Кстати, твою шоколадку я тогда слопал с удовольствием. Посмотрим, сумеешь ли ты доставить нам такое же, мулатка-шоколадка! Парни, хватай ее!

И хотя Анжела сопротивлялась, извивалась и даже кусалась, силы были явно неравные — и дружки Кирилла, скрутив, втащили ее в спортзал, залитый полуденным солнцем. Анжела кричала, но никто, кажется, ее не слышал. Только мелькнули где-то за углом рыжие вихры — и столь же молниеносно пропали.

Бросив ее на пропахшие многолетней пылью маты, разгоряченные спортсмены окружили ее плотным кольцом.

— Учтите, я — несовершеннолетняя! — заявила Анжела. — Вам всем знаете какие сроки дадут?

Выступивший вперед Кирилл заявил:

— Да ладно, никто тут тебя насиловать не намеревается! Ты для нас стриптиз исполнишь!

— *Что?* — переспросила Анжела, а Кирилл, рванув бретельку ее сарафана, под которым обнажилась ее грудь, заявил:

— Ого, а наша мулатка везде шоколадка! Давай, спляши, у тебя же ритм в крови.

Ну да, конечно: раз у ее отца африканские корни, то она просто *должна* автоматически лихо отплясывать все танцы всех народов мира, вероятно даже, и Крайнего Севера.

— Может, все же гопака? — осведомилась Анжела, прикрывая грудь.

Кто-то из парней хмыкнул и произнес:

— Кирюх, ты это, того, полегче. Ну, напугали, и все тут. Не нужны нам тут неприятности...

Анжела энергичным кивком головы подтвердила:

— Ой как *не* нужны. А они будут, если немедленно не расступитесь и не отпустите меня.

Раскрасневшись, спортсмен Кирилл, явно желавший ей отомстить, заорал:

— Парни, мы же не трахать ее будем, это было бы, само собой, преступление. Она нам просто стриптиз устроит. Голой!

И, обведя всех притихших товарищей взглядом, произнес:

— *Негритянский стриптиз!*

Анжела решила, что кукиш на постном масле он получит, а не стриптиз.

— Учтите, это тоже статья Уголовного кодекса! — пригрозила она.

Кирилл рявкнул:

— У меня будущий тесть — прокурор города. Ничего никому не будет, парни, это я обещаю.

И, вцепившись в плечо Анжелы, сорвал вторую бретельку.

— Остальное сама снимешь. Ну, давай, исполняй для нас стриптиз, мулатка-шоколадка! Давай же!

Подзадоривая своих соучастников, Кирилл стал хлопать в ладоши:

— Ну, давай же, мулатка-шоколадка, сисей потряси, писю покажи!

Несколько субъектов присоединились к нему, скандируя этот идиотский лозунг подростков, в чьей крови кипели гормоны, а в мозгах — расистские стереотипы.

— Начинай черный стриптиз для белых парней! Мулатка-шоколадка, сисей потряси...

Анжела дала себе слово — пусть что хотят с ней делают, но устраивать стриптиз для этих разгоряченных молодчиков она не будет.

— Что тут происходит? — раздался громовой голос, и юные любители черного стриптиза вдруг бросились врассыпную.

На пороге спортзала стоял облаченный в свой вечный зеленый спортивный костюм физрук, а из-за его спины боязливо выглядывал рыжий очкарик из параллельного класса.

Так как молодые люди были заняты тем, чтобы, подобно болотной нечисти, застигнутой криком петуха в церкви, где гоголевский Хома отпевал грешную Панночку, кто как, в основном через черный ход и окна, вылезти наружу, а Кирилл, будто не желая переступить

через меловой круг, замер с открытым ртом, ответ дала Анжела, скрестившая на груди руки.

— Сеанс черного стриптиза от мулатки-шоколадки для будущего зятя прокурора города и его похотливых приятелей. Можно вызвать милицию, я хочу подать заявление?

Мама ее ругала — за то, что подала-таки заявление и привлекла к своей персоне внимание милиции города.

— Мамочка, не ругайся, прошу тебя! — Пятилетний Никитка прижался к матери, и та в самом деле замолчала.

Братец хитро посмотрел на сестрицу — он был маминым любимчиком и умел этим пользоваться.

Хоть отцы у них были разные, любила Анжела Никитку до безумия. Как, впрочем, и маму, которая хоть и могла повопить, но быстро брала себя в руки — да и ведь по делу устроила ей головомойку.

— А что, мне надо было позволить этой шобле изнасиловать меня? — спросила с вызовом Анжела.

Никита, мальчик любознательный, тотчас спросил у матери:

— Мамочка, а что такое *изнасиловать*?

Мама, начисто проигнорировав его вопрос, заявила:

— Не надо связываться черт знает с кем! Сколько же раз говорила тебе!

— Я с ними и не связываюсь, это они со мной решили связаться. И желали, чтобы я им стриптиз исполнила — *негритянский* стриптиз!

Никитка не остался в долгу.

— Мамочка, а что такое *стриптиз*? А можно я его тоже исполню?

Ходу делу не дал папаша Зои, прокурор города, и маму Анжелы официально проинформировали, что в возбуждении дела отказано за *отсутствием состава преступления*.

Но это было уже позже, когда в предпоследний день школы Зоя, похожая на фурию, подбежала к Анжеле и, закатив ей оплеуху, завизжала:

— Ты что творишь, *негритоска*?

Перехватив ее руку, которой дочка прокурора явно желала ударить ее снова, Анжела заметила:

— Лучше ты скажи, что ты творишь, *подружка насильника?*

Опешив, Зоя смолкла, однако через пару мгновений пришла в себя.

— Ты оклеветала моего Кирюшу, выставив его исчадием ада!

— Ну, зачем его выставлять, если он и в самом деле такой. Он и его перекачанные дружки.

— Заткнись, негритоска! Иди собирай хлопок на плантации штата Алабамы!

Ну да, как же все просто: чуть поскреби такую Зою, и тотчас проявится ее расистское нутро.

— Хлопок растет в штате Миссисипи, если мне память не изменяет.

— *Чего?*

Пока Зоя пучилась на нее, на помощь пришел тот рыжий парнишка в очках, который, став свидетелем нападения на Анжелу около старого спортзала, и кинулся к физруку.

Поправив очки, Валька (а это был именно он) менторским тоном произнес:

— Плантации хлопка простирались в основном на территории штатов...

Зоя укусила Анжелу за руку.

То, что последовало за этим, вошло в анналы школьной истории — впрочем, как и инцидент в старом спортзале.

Когда примчавшийся шофер могущественного папочки забирал всклокоченную и расцарапанную Зою, пытаясь запихать ее в нутро «Мерседеса», та вопила, грозя Анжеле:

— Я тебе это попомню, негритоска! Твое место на плантации, а не среди нормальных белых людей! Я превращу твою жизнь в ад! Если думаешь, что после каникул сможешь заявиться в школу, то глубоко ошибаешься. Я тебя закопаю, негритоска!

Анжела не стала информировать разбушевавшуюся и исходившую расистскими ругательствами дочку про-

курора, что после каникул в эту школу она, конечно, не вернется.

И что случившееся в старом спортзале заставило маму принять решение о том, что они в ближайшие недели уедут из этого городка, чтобы никогда в него не возвращаться.

Продолжат свое бегство.

— Спасибо, — сказала Анжела, когда Зою увезли прочь и буча улеглась. Она обращалась к своему рыжеволосому спасителю в очках.

— Да не за что! — Тот залился красной краской. — Меня зовут Валя, а тебя ведь Анжела?

И так как надо было с кем-то проводить дни, оставшиеся до их нового переезда (вернее, *продолжения их бегства*), то Анжела позволила Вальке пригласить себя в кафе на набережной.

Ну да, так и есть, этот рыжеволосый подросток вторгся в нее, что Анжеле было весьма неприятно. Нет, совсем не потому, что парень в нее влюбился, а потому, что он и не подозревал: очень скоро они расстанутся навсегда.

С Валькой было просто, спокойно и интересно. Он мог выгружать из недр своей памяти разнообразные факты и подавать их не сухо и утомляюще, а с огоньком.

— Знала ли ты, Анжела, что твое имя происходит от латинского, заимствованного через французский «ангела»?

— Ну да...

Мама всех уверяла, что Анжела, вернее, *Анхелес*, как гласит испанский вариант, это имя матери отца Анжелы, сына того самого ближайшего сподвижника Фиделя Кастро.

А сама Анжела в этом в последнее время очень даже сомневалась.

— А знаешь ли ты, Анжела, какие существуют виды ангелов?

— С крыльями и без?

Валька оживился.